УДК 347.1

АНАЛИЗ РЕАЛИЗАЦИИ ЗАКОННОГО ИНТЕРЕСА В РОМАНО-ГЕРМАНСКОЙ И АНГЛОСАКСОНСКОЙ ПРАВОВЫХ СЕМЬЯХ

Сичкарева Ева Игоревна
Студентка Ростовского филиала ФГБОУВО «РГУП Им. В.М. Лебедева»
Кострюков Алексей Сергеевич,
аспирант 3 курса
ассистент кафедры процессуального права
Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ)
Ростов-на-Дону, Россия
Научный руководитель:
Федоренко Наталия Владимировна
д.с.н., к.ю.н., профессор кафедры, судья в отставке

Аннотация. В статье сопоставлены модели реализации законного интереса в континентальном и общем праве. На материале российской доктрины 2020–2025 гг., германского, французского и английского опыта показано, что романо-германская семья фиксирует законный интерес в норме и общих принципах, тогда как английская судебная практика выводит защищаемый интерес из поведения публичного органа через доктрину законных ожиданий. Сделан вывод о сближении моделей и предложены сценарии развития российского регулирования.

Ключевые слова: законный интерес, охраняемый законом интерес, субъективное право, законные ожидания, защита доверия, романо-германская правовая семья, общее право.

ANALYSIS OF THE IMPLEMENTATION OF LEGAL INTEREST IN THE ROMAN-GERMANIC AND ANGLO-SAXON LEGAL FAMILIES

Sichkareva Eva Igorevna,
Kostryukov Aleksey Sergeevich
Academic supervisor: Fedorenko Natalia Vladimirovna

Annotation. The article compares the models for implementing legitimate interests in continental and common law. Based on the Russian doctrine of 2020–2025, as well as the experience of Germany, France, and England, it is shown that the Romano-Germanic legal family fixes legitimate interests in norms and general principles, whereas English judicial practice derives the protected interest from the conduct of a public authority through the doctrine of legitimate expectations. The conclusion is drawn that the models are converging, and scenarios for the development of Russian regulation are proposed.

Keywords: legitimate interest, legally protected interest, subjective right, legitimate expectations, protection of trust, Romano-Germanic legal family, common law.

Категория законного интереса появилась в русской доктрине задолго до современных кодексов: по данным А.И. Гарбовского, в научный оборот её ввёл Г.Ф. Шершеневич, разбирая противоправное поведение [2]. Сегодня формула «права и законные интересы» встречается в десятках норм, например в ст. 153.8 ГПК РФ (нарушение законных интересов третьих лиц исключает утверждение мирового соглашения) и в ст. 60 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [2]. При этом отличие законного интереса от субъективного права законодатель не раскрыл, а единое доктринальное толкование до сих пор не выработано [2]. Сравнительный ракурс позволяет увидеть проблему иначе. Для романо-германской семьи характерны абстрактность нормы и чёткое отраслевое деление, а в англосаксонской семье ведущую роль играет прецедент, граница частного и публичного права размыта

[3]. Может ли один и тот же правовой феномен одинаково реализовываться в системах, построенных на столь разных источниках? Цель статьи — сопоставить механизмы реализации законного интереса в двух правовых семьях и оценить, какие их элементы пригодны для российского права.

Обратимся сначала к континентальной логике. В.И. Червонюк описывает господствующий позитивистский подход так: законный интерес замещает специально-юридический механизм защиты тех социально приемлемых интересов, которые не опосредованы субъективными правами, а его ключевой признак — выраженность в норме права, обусловливающая возможность судебной защиты [9]. Сам автор, оценивая эту трактовку в контексте естественно-правовой природы прав человека, считает её узкой [9]. А.А. Завгородняя встраивает интересы в систему общеправовых ценностей и принципов права и тем самым выводит их за пределы буквы закона [4]. Расхождение не случайно: если интерес признаётся только в силу нормы, его объём целиком зависит от воли законодателя.

Процессуальная сторона вопроса проявляется ещё острее. С.А. Бурмистрова показала, что самостоятельный механизм защиты правового интереса в российском цивилистическом процессе фактически отсутствует [1]. Суд либо защищает интерес в рамках особого производства и производства по делам из публичных правоотношений, либо рассматривает его по модели субъективного права, не уточняя, что именно выступает объектом защиты [1]. Исследователь предлагает выделять дореализационную и реализационную фазы и строить «эталонную модель» спорного правоотношения [1]. Близкий вывод делает А.И. Гарбовский: наличие законного интереса, в отличие от субъективного права, приходится доказывать, а государство гарантирует его лишь в общем, абстрактном виде [2]. Иначе говоря, континентальная модель надёжно признаёт интерес на уровне текста закона, но слабо обеспечивает его на уровне конкретного иска.

Рассмотрим подробнее германский и французский варианты, где этот разрыв частично преодолён. В Германии защита доверия (Vertrauensschutz) понимается как часть принципа правового государства [6, с. 24]. Ещё в 1956 г. Высший административный суд Берлина отказал в отмене незаконного решения о льготе, поскольку заявитель добросовестно рассчитывал на её сохранение [6, с. 24]. Позднее правило было кодифицировано: § 48 Закона об административной процедуре ФРГ (VwVfG) не допускает отзыва неправомерного благоприятного акта при добросовестном доверии адресата, если этому не препятствуют существенные публичные интересы [6, с. 24–25]. Государственный совет Франции пошёл иным путём и в решении Société KPMG от 24 марта 2006 г. впервые прямо провозгласил правовую определённость общим принципом права, обязав правительство предусматривать переходные положения [6, с. 25]. Тот же институт законных ожиданий О.В. Кривельская и С.С. Стерликова прослеживают в административном праве Испании [7]. В континентальной семье интерес частного лица, по сути, получает защиту через общий принцип или кодифицированную норму.

Английская модель выстроена в обратном направлении. Термин legitimate expectations сложился в судебной практике: в деле Schmidt (1969) суд указал, что иностранные студенты вправе ожидать слушания до высылки, хотя формального права на продление пребывания у них не было [6, с. 26]. В деле GCHQ (1985) Палата лордов признала, что практика консультаций с профсоюзом породила у служащих законное ожидание, и отмена порядка без консультаций была признана незаконной [6, с. 26]. Решение по делу Coughlan (2001) закрепило субстантивную защиту: пациентке обещали пожизненное проживание в специализированном учреждении, и Апелляционный суд запретил его закрытие как злоупотребление властью [6, с. 26–27]. Защищаемый интерес здесь не перечисляется в статуте заранее. Он возникает из конкретного обещания или

устойчивой практики органа и подтверждается судом, что согласуется с менее абстрактной природой нормы общего права [3].

А.Д. Хохлова, сравнивая юрисдикции, фиксирует различия в интерпретации доктрины: процессуальная защита в Великобритании, компенсационная модель во Франции, конституционный принцип доверия в Германии, приоритет общественных интересов в Канаде и Австралии [8]. Основания возникновения ожиданий она делит на 3 группы — индивидуальные заверения, устоявшаяся практика и нормативные акты [8]. Классификация показывает точку пересечения семей. Первые 2 основания типичны для прецедентного права, третье — для континентального.

Российская система тяготеет к континентальной модели, но постепенно заимствует элементы английской. По словам О.Н. Шерстобоева, принцип защиты доверия «прекрасно себя чувствует» и в общем праве, и в континентальных системах, а в России он закреплён на конституционном уровне и лишь начинает имплементироваться в административно-правовое регулирование [10, с. 8]. Ю.Н. Ковалева и Г.Э. Адыгезалова анализируют правовое ожидание через его соотношение с отдельными правовыми принципами и вслед за О.Н. Шерстобоевым трактуют законные ожидания как подтверждённое временем двустороннее доверие между властными и невластными участниками правоотношений [5]. О.В. Кривельская констатирует, что ни КАС РФ, ни законы об административных процедурах этот принцип прямо не называют, однако Верховный Суд РФ в налоговых спорах уже признавал право налогоплательщика рассчитывать на стабильность ранее данных разъяснений [6, с. 23].

Какой путь окажется продуктивнее? Первый сценарий — законодательный: закрепить в общих положениях административно-процедурного регулирования аналог § 48 VwVfG с критериями добросовестного доверия. Он повысит предсказуемость, но рискует снова свести законный интерес к закрытому перечню норм, против чего возражает В.И. Червонюк [9].

Второй сценарий — судебный, по английскому образцу, когда Верховный Суд РФ формирует критерии через обзоры практики. Такой вариант гибче, однако без процессуального механизма, предложенного С.А. Бурмистровой, интерес по-прежнему будет защищаться «под видом» субъективного права [1]. Возможен и третий, смешанный вариант: общий принцип формулирует высшая судебная инстанция (как сделал Государственный совет Франции в 2006 г.), а критерии его применения затем уточняет законодатель [6, с. 25].

Проведённый анализ показал, что различие правовых семей проявляется не в самом признании законного интереса, а в источнике его конкретизации. Нами выявлено, что в романо-германской семье интерес фиксируется нормой и защищается через общие принципы и кодифицированные правила, тогда как в англосаксонской семье он выводится судом из обещания или практики публичного органа. Модели сближаются: Германия кодифицировала защиту доверия в § 48 VwVfG, а английские суды после дела Coughlan допускают субстантивную защиту ожиданий. Для российского права наиболее уязвимым звеном остаётся процессуальная реализация законного интереса, поэтому сравнительный опыт целесообразно использовать прежде всего для выработки критериев доказывания интереса и оснований его судебной защиты.

Список литературы

1. Бурмистрова С. А. Правовой интерес как отдельная правовая возможность: механизм защиты в цивилистическом процессе // Журнал российского права. 2020. № 6. С. 134–147. DOI: 10.12737/jrl.2020.072.

2. Гарбовский А. И. Законные интересы в системе обеспечения баланса частных и публичных интересов в праве // Юридическая наука и практика. 2025. № 4. С. 59–63. DOI: 10.24412/3034-2422-2025-4-59-63.

3. Дубровина Л. А. Компаративный анализ романо-германской и англосаксонской правовых семей // Государственно-правовые исследования. 2023. Вып. 6. С. 57–62. DOI: 10.20310/2658-5383-2023-6-57-62.

4. Завгородняя А. А. Интересы в системе общеправовых ценностей и принципов права // Lex russica. 2022. Т. 75, № 9 (190). С. 79–93. ISSN 1729-5920. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.190.9.079-093.

5. Ковалева Ю. Н., Адыгезалова Г. Э. Соотношение правового ожидания с отдельными правовыми принципами // Экономические проблемы и юридическая практика. 2021. Т. 17, № 4. С. 71–74. ISSN 2541-8025. URL: https://journals.eco-vector.com/2541-8025/article/view/532173 (дата обращения: 10.11.2026).

6. Кривельская О. В. Институт законных ожиданий в РФ и зарубежных странах // Вестник Томского государственного университета. Право. 2025. № 58. С. 21–30. DOI: 10.17223/22253513/58/2.

7. Кривельская О. В., Стерликова С. С. Институт законных ожиданий в административном праве Испанского Королевства // Образование и право. 2024. № 5. С. 131–134. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/institut-zakonnyh-ozhidaniy-v-administrativnom-prave-ispanskogo-korolevstva (дата обращения: 10.11.2026).

8. Хохлова А. Д. Защита правомерных (законных) ожиданий как ключевой аспект принципа поддержания доверия граждан к закону и действиям государства: зарубежные и российский подходы // Юридические исследования. 2025. № 4. С. 78–92. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.4.74320. EDN: IUJKBQ.

9. Червонюк В. И. «Законные интересы»: традиционный взгляд (позитивистская интерпретация) и оценка в контексте естественно-правовой природы прав человека // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 2 (58). С. 12–23. DOI: 10.36511/2078-5356-2022-2-12-23.

10. Шерстобоев О. Н. Защита доверия (законных ожиданий) — основополагающий принцип российского административного права // Научные

записки НГУЭУ. 2022. Вып. 3. С. 8–11. URL: https://nsuem.ru/scientific-notes/issue.php?ISSUE_ID=7389 (дата обращения: 10.11.2026).